

НОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

ЭДУАРД БАТАЛОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена исследованию международных институтов и их роли в мировой политике. Автор раскрывает природу и содержание понятия, которое, в силу многовариантности интерпретации, остается предметом дискуссий. Он разграничивает понимание «института» как правил игры в обществе и более широкое прочтение – как социального образования надиндивидуального уровня, выступающего субъектом общественных отношений и действий. Несмотря на то что трактовка понятия «международный институт» также не отличается единообразием, автор к числу институтов относит и правила построения этих отношений, и материальные формы воплощения выработанных правил. С учетом всего многообразия проявлений международных отношений, в совокупности со сложившейся практикой, среди форм международных институтов выделяются такие, как институты-нормы, институты-организации, институты-интеграционные объединения, институты-клубы, институты-практики, институты-диалоги. Не останавливаясь на теоретическом аспекте изысканий, автор дает развернутую институциональную карту мира в ее эволюции со времени окончания «холодной войны».

Автор рассматривает функционирование современных международных институтов в купе с процессом структурного и содержательного усложнения мира. Расширение ряда игроков на международной арене – государственных и негосударственных, формальных и неформальных, постоянных и временных – оказывает все большее влияние на международные процессы, равно как и усложнение связей между этими элементами; возрастание объема и изменение структуры их потребностей, притязаний и претензий; нарастание противоречий между субъектами международных отношений. Это неизбежно ведет к увеличению числа и усложнению структуры международных институтов, в функции которых входит установление коммуникаций между государствами и негосударственными игроками, согласование их интересов, разрешение возникающих между ними противоречий, предотвращение конфликтов.

В условиях нарастания глобальных проблем, которые не могут быть решены ни одной страной в отдельности, международные институты интегрируют усилия многих государств, направляя их на решение соответствующей проблемы или группы проблем.

Ключевые слова:

международный институт; неоинституционализм; интеграция; международный режим; международная организация; глобализация; реинституционализация.

Первый опыт изучения институтов и формирования институционального подхода в общественных науках относят к ру-

бежу XIX–XX веков. Наиболее яркими представителями того поколения исследований (которое позднее было идентифици-

ровано как «классический институционализм») были экономисты Торстейн Веблен, Уэсли Митчел, Дж. Коммонс. Классический институционализм рождался как *альтернатива неоклассическому подходу* в экономической мысли и *обосновывал значимость неэкономических факторов экономики*. Сам Веблен характеризовал институты как «привычный образ мышления людей», «принятую в настоящее время систему общественной жизни», «образ мысли, точки зрения, настроя и способности ума» [Веблен 1984: 200].

Просматриваемая в работах Веблена неопределенность понятия «институт» была характерна для направления в целом. «Термин “институционализм” связан с двумя понятиями: “институция” – установление, обычай, порядок, принятый в обществе, и “институт” – закрепление обычаев и порядков в виде закона или учреждения. Разделение этих понятий достаточно условно, так как в концепциях институционалистов они имеют чрезвычайно широкое и размытое содержание» [Веблен 1984: 6]. В итоге в число институтов включили «государство, семью, нравы, предпринимательство, частную собственность, систему денежного обращения, кредит и многое другое» [Там же: 6]. Таким образом, была заложена сохраняющаяся и поныне традиция широкого толкования термина, доставляющая немало хлопот исследователям.

Со второй половины 1970-х годов в общественных науках мощно заявил о себе *новый институциональный подход («новый институционализм», «неоинституционализм»)*. Его инициаторами вновь стали экономисты, но предложенная ими логика оказалась востребованной и другими науками. Версии неоинституционализма, основанные на собственных методологических принципах, начали разрабатывать западные социологи и политологи [Ротстайн, Вейнгафт, Дрюри, Питерс 1999; Баталов 2014: гл. 15].

В 1982 г. выходит статья Джеймса Марча и Йохана Олсена «Новый институционализм: организационные факторы в политической жизни», «которая по всеобщему

признанию, ознаменовала институциональный поворот в политической науке и определила новый подход к исследованию политических институтов, к изучению отношений между институциональными характеристиками и политическим действием» [Патрушев 2009: 5].

1

В современной литературе отчетливо вычитывается два подхода к трактовке «института». Один из них ограничивает его «нормами», «правилами» и «установлениями». Убежденным сторонником такой трактовки выступает один из крупнейших западных экономистов, лауреат Нобелевской премии Дуглас Норт, автор получившего широкое распространение труда «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». По его словам, «институты – это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют отношения между людьми» [Норт 1997].

Норт отличает институты от организаций, которые трактуются им как «агенты институциональных изменений». «В понятие “организация”, – пишет он, – входят политические органы и учреждения (политические партии, Сенат, городской совет, контрольное ведомство), экономические структуры (фирмы, профсоюзы, семейные фермы, кооперативы), общественные учреждения (церкви, клубы, спортивные ассоциации) и образовательные учреждения (школы, университеты, центры профессионального обучения). Организация – это группа людей, объединенных стремлением сообща достичь какой-либо цели» [Норт 1997].

Эту позицию разделяют и многие социологи. Леонид Седов характеризует институт как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему» [Современная западная социология 1990: 117]. И тут

же добавляет: «социальный институт следует отличать от конкретных организаций и социальных групп».

Вместе с тем существует и другой, более широкий, подход. В «Политической энциклопедии» приводится второе значение термина «институт»: «социальное образование, или учреждение – единица надындивидуального уровня, организация, выступающая субъектом общественных отношений и действий»¹. Известный политолог Оран Янг определяет институты как *социальные практики*, образуемые легко узнаваемыми ролями в сочетании с кластерами правил или конвенций, управляющих отношениями между исполнителями этих ролей [Young 1989].

Институциональная проблематика напрямую затрагивает международные отношения и мировую политику. Правда, институционализм в этих сферах, в отличие от институционализма во внутренней жизни государств, не может быть назван «новым», поскольку «старого» международного институционализма как широко практикуемого методологического подхода, строго говоря, не существовало: речь могла идти лишь о пользовавшемся ограниченным влиянием идеализме межвоенного периода и послевоенных исследованиях международных организаций. Важную роль в их расширении и углублении сыграл журнал «International Organization», основанный в 1947 году. Ориентированный изначально на анализ деятельности ООН и других международных агентств, он превратился в 1970-х годах в рупор международной политической экономии (практиковавшей институциональный подход), а позднее способствовал «институциональному повороту» в науке о международных отношениях.

Сегодня уже невозможно вести серьезный разговор об этих отношениях, как и о мировой политике, не принимая во внимание место и роль, которые играют в них международные институты. Разумеется, не обходится без *колебаний* теоретического и

практического интереса к последним, что в свою очередь связано с политической конъюнктурой. Как справедливо замечал М. Сафонов в исследовании, опубликованном двенадцать лет назад, произошедшие после окончания «холодной войны» глобальные изменения привели к «некоторому упадку институционализированных форм международного сотрудничества» [Сафонов 2003: 85]. Это, по его утверждению, было вызвано трансформацией международной политической системы и становлением «плюралистической однополярности», при которой США и их ближайшие союзники выступали в качестве единственного глобального универсального центра силы. В такой ситуации международные институты уже не рассматривались в качестве «переменной, которую всегда принимают в расчет даже самые значимые акторы международных отношений» [Там же].

Ситуация в мире меняется. США перестают быть единственным универсальным центром силы, а *роль многосторонних международных институтов снова возрастает.* Раньше или позднее это отразится на росте исследовательского интереса к ним.

К настоящему времени в мировой научной литературе накопилось немало исследований, посвященных рассматриваемому феномену [North 1990; Ikenberry 2001; Slaughter 2004; Mearscheimer 1994/95]. Это в основном работы американских международных, в меньшей мере – европейских. Специальных исследований отечественных авторов, посвященных международным институтам, пока совсем немного [Цыганков 2003; Сафонов 2003; Лебедева 2004; Баталов 2005; Батюк 2008].

В отмеченных публикациях многие – и притом базовые – аспекты проблемы международных институтов были и остаются предметом дискуссий, предопределенных в немалой степени различиями исследовательских парадигм. Это касается в первую очередь трактовки самого феномена «международного института». В этом воп-

¹Институт социальный // Политическая энциклопедия. Т. 1. М., 1999. С. 442–443

росе наблюдается такой же разброс мнений, как и у исследователей «института» *per se*. Однако надо сразу сказать, что в отличие от последних международники в массе своей не ограничивают «международные институты» правилами игры, предлагая более широкую их трактовку.

Показательный пример – позиция авторов монографии «Современные международные отношения». Исходя из представления о международных институтах как «многосторонних институтах», в рамках которых строятся отношения между более чем двумя государствами или негосударственными субъектами, авторы включают в них «международные организации, интеграционные объединения, параорганизации (клубы), международные режимы, временные (долгосрочные) многосторонние институты» [Торкунов, Мальгин 2014: 383].

Близкий подход мы находим и в других исследованиях международных отношений. При этом в большинстве случаев в центре внимания оказываются международные организации и интеграционные объединения. Правоведы включают – с полным на то основанием – в число международных институтов и правовые нормы, регулирующие международные отношения.

Анализируя складывающуюся в мире на том или ином этапе его развития ситуацию, обозначаемую мною как «институциональная карта мира», можно солидаризироваться с теми, кто настаивает на разграничении таких понятий, как «институт» и «организация» (тем более когда они берутся в качестве научных категорий) и недопустимости их использования (частая ошибка политиков-практиков) как тождественных и взаимозаменяемых. В то же время можно ли ограничивать «институт» правилами игры? В ряде случаев – например, при анализе генезиса такого феномена, как институт, это не только желательно, но и необходимо. Когда же стоит задача анализа общественной жизни – тем более в международном масштабе, следует учитывать и всё многообразие проявлений международных отношений, и сложившуюся практику, согласно которой к числу институтов относят и

правила построения взаимодействия, и материальные формы воплощения этих правил.

2

Исходя из такого понимания предмета исследования, автор выделяет в широкой, многослойной сети-системе, каковую образуют международные институты, такие их формы, как *институты-нормы, институты-организации, институты-интеграционные объединения, институты-клубы, институты-практики и институты-диалоги*. Хотя границы между некоторыми из них размыты, их всё же следует отличать друг от друга. Вместе с тем нельзя не видеть внутреннего родства между институтами-организациями, институтами-объединениями и институтами-клубами, которые выступают как разновидности *институтов-субъектов*, поскольку становятся непосредственными деятельными участниками мировой политики.

Основу *международных институтов-норм* составляет международное право, понимаемое как «система договорных и обычных норм и принципов, регулирующих международные отношения и выражающих относительно согласованную волю государств, обусловленную действием закономерностей общественного развития данной эпохи» [Лазарев 1982: 91].

Международное право «регулирует отношения между государствами не только в сфере сотрудничества, но и в сфере борьбы. Таковыми являются нормы и принципы, регулирующие решение споров, поведение государств в процессе вооруженных конфликтов» [Лазарев 1982: 91]. В число международных институтов-норм входят также уставы, статуы и другие учредительные документы, регулирующие деятельность международных организаций – например, Устав ООН.

Ядро *институтов-субъектов* составляют многочисленные *международные организации* – глобальные и региональные, формальные и неформальные, большие и малые, правительственные и неправительственные. Несмотря на многообразие научных подходов к их определению, форми-

рующихся в рамках правоведческих [Лазарев 1982: 93-94], управленческих [Сморгунов 2007: 445] и международно-политических дисциплин [Торкунов, Мальгин 2014: 383] и выделяющих в «организации» специфические, присущие именно ее предметному полю особенности, все они дают единообразное по сути толкование явления, предлагая общие критерии идентификации. Это объединение *постоянное; четко структурированное; действующее на основе добровольного соглашения* между несколькими субъектами международных отношений и опирающееся в своей деятельности на выработанные ими *учредительные документы; предполагающее тесное сотрудничество* между членами организации; ориентированное на *совместное* решение предусмотренных учредительными документами *общих проблем* и достижение определенных в них *общих целей*.

Попытки создания объединений, имеющих признаки международной организации, восходят к глубокой древности. Тем не менее значимым фактором мировой политики международные организации становятся только в XX веке, особенно во второй его половине [Schechter 2010; Reinalda 2009]. Примечательно, что рост их численности и расширение номенклатуры коррелирует с окончанием трех войн: Первой мировой, Второй мировой и «холодной», когда на руинах уходящих в прошлое мировых порядков начинают формироваться новые. Подобная закономерность относится не только к международным организациям, но и к международным институтам в целом, подтверждая гипотезу о наличии тесной внутренней связи между становлением мирового порядка и их формированием.

К институтам-субъектам относятся и *международные интеграционные объединения*: секторальные (как, например, Европейское объединение угля и стали) и общей компетенции (как ЕС и многие другие, существующие ныне). В отличие от международных межправительственных организаций, они управляются наднациональными органами, обладающими суверенитетом, делегированным им государствами — чле-

нами объединения. Международные интеграционные объединения создаются постепенно, путем перехода от одной стадии к другой, но выявить единую модель их становления исследователям не удалось. Очевидно одно: в последние десятилетия XX века интеграционные процессы шли по нарастающей [Байков 2012]: *движение в сторону международной интеграции стало глобальным трендом*, фиксирующим одно из условий выживания наций-государств в глобализирующемся, но остающемся конкурентным мире.

Исследователи отмечают, что по своей юридической природе интеграционные объединения близки к международным межправительственным организациям, а ряд параметров (например, критерии членства, процедура принятия решений и другие) имеют даже более четкий характер: «*Подавляющее большинство современных интеграционных объединений имеет общую компетенцию, которая реализуется на разных уровнях — от зоны свободной торговли, таможенного союза до экономического и валютного союза. Высший уровень — политический союз с наднациональными элементами — создан только в Европейском Союзе*» [Торкунов, Мальгин 2014: 384].

К международным многосторонним институтам-субъектам относятся и объединения, которые порой именуются *«параорганизациями»*, имея в виду, что они структурированы и функционируют иначе, чем классические институты-субъекты. Их работа не строится на учредительных правовых документах, они не имеют устава и секретариата, четких условий членства. Они менее бюрократизированы и более гибки, чем традиционные международные организации, особенно крупные. Это открывает перед государственными деятелями, капитанами бизнеса, финансистами и другими «*сильными мира сего*» возможности, которые не предоставляют им традиционные организации.

Наглядное воплощение международных *институтов-практик — международные режимы*. Поскольку в концептуальном плане

о них пишется гораздо меньше, чем об «организациях» и даже «параорганизациях», а споров они вызывают немало, остановимся на этом институте подробнее.

Международные режимы стали объектом пристального внимания в начале 1980-х годов, когда становилось очевидным, что большая политика делается в рамках не только формальных организаций, но и неформальных или полупоформальных структур. В этот период появились работы С. Краснера, Дж. Рагги, Р. Кохейна, О. Янга [Krasner 1982; Interdependence and Conflict...1989; Crawford 1996; Young 2001]. Позднее проблема международного режима стала исследоваться и отечественными авторами [Петровский 1998; Батюк 2008; Победаш 2010].

И в первые годы исследования рассматриваемого феномена, и впоследствии между специалистами шли (и продолжают идти) споры об определении международного режима и о том, как последний соотносится с другими типами международных институтов. Ответы на эти вопросы предопределялись принадлежностью исследователя к той или иной школе международных отношений. Дж. Бейлис и С. Смит, отталкиваясь от идей О. Янга², описывают международные режимы «как социальные институты, основанные на согласованных правилах, нормах, принципах и процедурах принятия решений» [Baylis, Smith 2001: 214]. Они обеспечивают взаимодействие различных государственных и негосударственных субъектов в проблемных сферах — таких, как окружающая среда или права человека» [Baylis, Smith 2001: 214].

Широкое распространение в научной литературе получило определение, предложенное в 1981 году С. Краснером. С его точки зрения, «режимы могут быть определены как *наборы имплицитных или эксплицитных принципов, норм, правил и процедур принятия решений, вокруг которых происходит конвергенция ожиданий субъектов, действующих в данной сфере международных отношений*» [Krasner 1982: 2]. Оставляя

в стороне нюансы трактовки разными школами, международные **режимы** можно определить, как *относительно устойчивые типы практик субъектов международных отношений, регулируемых (речь о практиках — Э. Б.) нормами международного права и другими принятыми правилами, и определяющих согласованный и устойчивый характер совместной деятельности сторон в той или иной сфере международной жизни*. Принимая международный режим, государства тем самым выражают готовность подчинить индивидуальную деятельность, направляемую узко понятым национальным интересом, совместной деятельности, направленной на обеспечение общего интереса и регулируемой принципами и нормами. Расширение обменов между субъектами международных отношений и умножение проблем, требующих согласования и объединения усилий для их решения — источник постоянного возникновения новых и корректировки уже существующих международных режимов.

В число *институтов-практик* включаются и модели отношений, которые именуются *институтами-диалогами*. Это прежде всего широко практиковавшиеся на протяжении XX века *международные конференции*. Правоведы определяют последние как встречи официальных представителей двух и более государств для обсуждения вопросов, представляющих взаимный интерес. В число конференций некоторые исследователи включают и такие формы взаимодействия сторон, как *международные консультации, переговоры, совещания, конгрессы*. На наш взгляд, это частные, отличающиеся своей спецификой формы одного и того же института, который, как говорилось выше, может быть назван «диалогом». К числу таковых относятся и так называемые *саммиты* — встречи на высшем уровне глав государств и правительств («встречи в верхах»).

В качестве специфического вида международного диалога следует рассматривать *регулярные прямые связи, устанавливающие*

²См.: [Young 1997: 6].

еся между правительствами двух и более государств и нередко имеющие закрытый и конфиденциальный характер³. В условиях ускорения течения политического времени и обострения проблем безопасности, когда порой возникают события, требующие оперативного обсуждения на самом высоком уровне, такого рода связи приобретают характер «горячей линии». И всё это — специфические разновидности международного диалога как формы международных институтов.

Э

Формирование институтов может осуществляться рационально действующими субъектами в процессе целенаправленного упорядочения ими социальной реальности, то есть построения порядка — социального (в узком смысле слова), экономического, политического — призванного обеспечить требуемое функционирование общества. При этом простейшие институты и отдельные элементы сложных институтов могут возникать спонтанно, в качестве побочного продукта целенаправленного упорядочивающих действий субъектов.

Таким образом, *формирование институтов оказывается не чем иным, как конструированием порядка* — даже если их строители не ставят своей целью создание такового. В свою очередь *целенаправленное формирование порядка есть формирование институтов*, даже если их создание не является целью нашей деятельности и мы не отдаем себе отчета в том, что упорядочение социальной реальности есть не что иное, как ее институционализация.

Существует точка зрения, согласно которой на отдельных этапах развития общества в нем может отсутствовать социальный (политический) порядок как таковой. Один из разделов своей книги «Кризис мирового капитализма» Джордж Сорос так и назвал: «Отсутствие мирового порядка»: «Отличи-

тельная особенность нынешнего положения дел, — писал он, — состоит в том, что его нельзя назвать порядком. Мировая политическая система, которая соответствовала бы мировой капиталистической системе, отсутствует; более того, нет также единогласия в том, возможна ли мировая политическая система и насколько она желательна» [Сорос 1999: 236].

На наш взгляд такой подход не имеет под собой достаточных оснований: отсутствие порядка означает отсутствие институтов, а без них нет общества. Конечно, различные подходы к проблеме упорядочения социума предопределяются разным пониманием порядка (и, соответственно, «мирового порядка»), отчетливо обозначившимся в научной литературе последних десятилетий [Bull 1977; Hoffman 1980; Тинберген 1980; Wrong 1994; Баталов 2005; Современные институциональные...2009; Власть и политика...2012].

Мы рассматриваем порядок как *структурную соотнесенность существующих в данном обществе связей и отношений, придающую ему качественную определенность; обеспечивающую сохранение целостности и относительной устойчивости этого общества, а также возможность его функционирования и развития в определенном направлении*. Из сказанного следует, что ситуация отсутствия порядка в живом обществе принципиально исключена. В нем, конечно, может отсутствовать структура, соответствующая нашим идеалам или замыслам, но какой-то порядок существует в любом случае.

Упорядоченность общества предполагает наличие в нем состояний, которые воспринимаются как беспорядок, то есть неупорядоченность каких-то общественных связей, существующих в обществе, а значит и их неинституционализированность. Этот беспорядок (который при более глубоком проникновении в него обнаруживает в не-

³Советский дипломат Анатолий Добрынин рассказывал в своих воспоминаниях, что в 1962 году, когда «между Хрущевым и Кеннеди продолжался негласный обмен мнениями», «в Вашингтоне действовали как бы два конфиденциальных канала: один старый... второй постепенно завязывавшийся — через меня» [Добрынин 1997: 38].

которых случаях специфическую упорядоченность)⁴ способен играть как деструктивную, так и конструктивную роль: он может затруднять нормальное функционирование общества, но одновременно открывает перед человеком возможность проявления свободной воли и социального творчества.

Следует отказаться от аксиологического подхода к порядку и беспорядку, а значит, и от априорной идеализации первого и демонизации второго. Порядок как таковой не является ценностью, тем более высшей ценностью, точно так же, как беспорядок не является антиценностью. На уровне понятий они аксиологически нейтральны и могут быть оценены лишь тогда, когда получают материальное воплощение и вписываются в конкретный социально-политический контекст.

Упорядочивая общество, институты выполняют ряд важных взаимосвязанных функций. В самом общем виде их сформулировал еще в начале 1930-х годов один из первых институционалистов У. Гамильтон: «Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности»⁵. В том же духе высказывался полвека спустя Дуглас Норт: институты «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике». И ещё: «институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь. Они организуют отношения между людьми... Институты включают в себя все формы ограничений, созданных людьми для того, чтобы придать определенную структуру человеческим взаимоотношениям» [Норт 1997].

Как видим, Норт акцентирует *нормативную и организационную* функции институтов, но не забывает и об их *мотивационной* функции, которая менее заметна, но не менее важна. К ним следовало бы добавить

еще ряд функций, которые, хотя их и можно рассматривать как частные проявления названных выше, всё же заслуживают того, чтобы обратить на них внимание. Речь идет о *посредничестве* институтов в разрешении различного рода социальных, политических, экономических, культурных и иных конфликтов, возникающих в обществе и *согласовании интересов* социальных групп. Нельзя не согласиться и с теми, кто обращает внимание на *коммукативную* функцию институтов, отмечая, что они «выполняют роль средств, обеспечивающих относительно устойчивое и предсказуемое протекание процессов взаимодействия и коммуникации между различными социальными единицами — индивидами, коллективами, организациями»⁶. *В своей совокупности институты образуют механизм социального управления.*

Сказанное выше относится и к международным институтам. Они становятся продуктом деятельности (отчасти спонтанной, но в основном целенаправленной) государств и других субъектов мировой политики, вовлеченных в процесс построения мирового порядка, то есть *исторически складывающейся, относительно устойчивой структуры связей между субъектами мирового политического процесса (а проще — структуры мировой политической системы), придающей ей качественную определенность, обеспечивающей её динамическую стабильность, а также функционирование и развитие.*

Международные институты складываются в процессе формирования *международного* порядка, который, в отличие от мирового порядка, охватывает лишь некоторую часть государств и негосударственных акторов, выступающих на международной арене, и при наличии мирового порядка может составлять его органическую часть. Имея в виду все выполняемые ими функ-

⁴По признанию И. Пригожина и И. Стенгерс, порой порядок «вдруг» обнаруживается там, где видели беспорядок и наоборот. «На протяжении долгого времени турбулентность в жидкости рассматривалась как прототип беспорядка. С другой стороны, кристалл принято было считать воплощением порядка. Но... теперь мы вынуждены отказаться от подобной точки зрения» [Пригожин, Стенгерс 1994: 57].

⁵Hamilton W. Institution. Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1932. V. VIII. P. 84. Цит. по: [Веблен 1984: 6].

⁶Политическая энциклопедия. Т. 1. М., 1999. С. 442

ции, можно сказать, что международные институты, взятые в совокупности, выступают в качестве *механизмов регионального и глобального управления, своего рода мирового правительства*.

4

Мировые события конца 1980-х – начала 1990-х годов, завершившиеся распадом мировой социалистической системы и Советского Союза и окончанием «холодной войны», не могли не повлечь за собой *глобальной реинституционализации*. Она, впрочем, протекала в условиях, существенно отличавшихся от условий предыдущих аналогов, связанных с окончанием Первой и Второй мировых войн.

Миропорядок, который должен был установиться после окончания «холодной войны», не мог не стать предметом множества обсуждений и дискуссий на самых разных уровнях. Тем не менее никаких международных государственных политических конференций для этого не созывалось, никаких договоров, подобных Версальскому, не подписывалось. *Многие важные принципы нового мироустройства базировались главным образом на устных договоренностях политиков Запада и России*. Такая же ситуация, имела место и при формировании Ялтинско-Потсдамского миропорядка, но тогда положение Советского Союза в мире было принципиально иным: после войны он сумел быстро восстановить народное хозяйство и превратиться в одну из двух ведущих военных держав мира, что позволяло ему надежно защищать свои интересы – в том числе и те, которые были подкреплены лишь устными договоренностями.

Отсутствие необходимости подведения прочной договорно-правовой базы под новый порядок объясняли обычно тем, что – такова была и официальная позиция России – в «холодной войне» не было ни победителей, ни побежденных, и от её прекращения выиграли все. Важную роль сыграло и то обстоятельство, что Россия и другие бывшие советские республики, публично отрекшиеся от социализма, провоз-

гласили ориентацию на построение в своих странах либерально-демократического общества и заявили о готовности принять правила игры, по которым живет западный мир, и работать в существующих международных институтах.

Обновленный порядок получил богатое институциональное наследие в виде сотен глобальных и региональных международных организаций, объединений, клубов, режимов, правовых норм. Многие из них продолжили свое существование, не претерпев существенных качественных трансформаций. Это касается прежде всего Организации Объединенных Наций. Устав ООН оставался неизменным, а значит, неизменными оставались и основные принципы деятельности организации. Сохранили свой статус и функции специализированные учреждения ООН.

Продолжили работу многие другие глобальные и региональные правительственные и неправительственные организации – гуманитарные (Врачи без границ, Красный Крест), экономические (Лондонский клуб, Парижский клуб), экологические (Гринпис), политические (Всемирная федерация профсоюзов, Лига арабских государств), правозащитные и правоохранительные (Эмнести интернэшнал, Интерпол), религиозные (Всемирный совет церквей).

И тем не менее после окончания «холодной войны» в институциональной картине мира произошли существенные изменения. Прежде всего, *распалась* – по историческим меркам в одночасье – *вся система региональных политических, экономических и военных институтов, которые регулировали отношения между Советским Союзом и странами Центральной и Восточной Европы*.

При этом конец XX-начало XXI веков стал периодом повсеместного активного *международно-институционального строительства*. Оно было вызвано совокупным действием нескольких причин: умножением числа глобальных проблем; ростом взаимозависимости все расширявшегося числа государств; их ограниченной способностью самостоятельно решать встающие перед

ними задачи; стремлением в союзе с другими странами с большей эффективностью защищать национальные интересы посредством региональных объединений.

Международно-институциональное строительство в 1990-х–2000-х годах отличалось рядом особенностей. Главной из них в условиях глобального доминирования США стало то, что строители международных институтов в разных уголках мира почти всегда испытывали на себе *прямое или косвенное давление Вашингтона, стремившегося навязать остальному миру свое мироведение и свои представления о том, как должен выглядеть тот или иной международный институт и должен ли он существовать вообще.*

Россия формально участвовала в новом международном строительстве. Между тем по своей реальной силе она далеко уступала Советскому Союзу, так что по большому счету с ее собственным, отличным от высказывавшегося американцами и европейцами мнением (хотя таковое она высказывала далеко не всегда, особенно если брать 1990-е годы) Запад считался мало. Правда, он нередко старался подсластить пилюлю заявлениями о «партнерстве».

Вторая особенность нового институционального строительства заключалась в том, что оно осуществлялось в условиях *повсеместного усиления интеграционных процессов.* Как отмечают историки международных отношений, «интеграционные тенденции в середине 90-х годов стали одним из мегатрендов международного развития. В разных формах, в том числе сильно отличающихся от тех, которые были характерны для Европы, они проявили себя во многих районах мира — но прежде всего в Восточной Азии и Северной и Южной Америках» [Богатуров 2003: 554].

Третья особенность заключалась в том, что в условиях ослабления международной политической и военной напряженности *интеграционные процессы распространялись на сферу хозяйственной (экономической и финансовой) жизни в большей мере, чем в период «холодной войны».* В основе стратегии, которой руководствовались интеграторы,

во многих случаях лежала идеология неолиберализма, ориентированная на ограничение вмешательства государства в социально-экономические процессы и рассматривавшая свободный рынок как универсальный механизм регулирования общественных отношений.

Международно-институциональное строительство шло в этот период по нескольким направлениям. Первое — *перестройка институтов, сложившихся в годы «холодной войны» и их адаптация к новым условиям.* Общую логику процесса можно проследить на примере такого типичного для периода глобального противоборства двух миров объединения, как Организации Североатлантического договора.

После прекращения существования ОВД в 1991 г. у российских либералов возникли надежды на то, что Североатлантический блок также будет распущен. Более реалистично мыслявшие отечественные политики сомневались, что Запад решится на такой шаг, но полагали, что он не пойдет на расширение границ и функций этой организации. Однако и эта надежда оказалась иллюзорной.

В 1990-х годах началось продвижение НАТО на восток, к границам России. В 1999 г. Польша, Чехия и Венгрия официально стали членами Альянса, в 2004 г. его ряды пополнили Литва, Латвия, Эстония, Болгария, Румыния, Словакия и Словения. В стратегической концепции Североатлантического договора «Активное участие, современная оборона», принятой в 2010 году, эта организация, характеризующая себя как «уникальное сообщество, основанное на ценностях и приверженное принципам свободы личности, демократии, прав человека и верховенства закона», поставила три цели: коллективная оборона, кризисное управление, безопасность на основе сотрудничества. Таким образом, организация декларировала готовность осуществлять военно-политические операции гуманитарного, миротворческого и иного характера вне пределов территории стран-участниц. На практике это имело место и до провозглашения этой стратегии.

Пример эволюции НАТО лишний раз

убеждает в справедливости истины: сам факт существования той или иной организации заставляет её искать и находить себе работу и тем самым пытаться оправдать свое существование. При этом изначальные цели крупных военных блоков редко меняются по существу. Созданная для борьбы с Советским Союзом, НАТО, в конце концов, после ряда дипломатических «па», призванных заставить поверить в изменение этой цели, снова фактически заявило о себе как об организации, направленной против России и ее союзников.

Существенную качественную и количественную перестройку претерпел после окончания «холодной войны» институт *международных режимов*. Эта перестройка шла по трем основным направлениям: *упразднение или корректировка некоторых из уже существовавших режимов; строительство новых режимов традиционного типа; формирование режимов нового типа*.

Прежде всего *на смену режиму двусторонних американо-советских отношений пришел режим американо-российских отношений*. Это была не просто смена вывески. Хотя на уровне дипломатического протокола всё выглядело вполне пристойно и со временем Россию пустили даже в «группу восьми», Соединенные Штаты воспринимали ее уже не как ровню, а в лучшем случае как младшего партнера.

Такое отношение Америки к России парадоксальным образом способствовало росту числа соглашений между двумя странами. США стремились, воспользовавшись моментом, если и не переделать Россию по собственному образу, то направить ее развитие в выгодном для себя направлении, поставить под свой контроль. Сделать это были призваны многочисленные двусторонние документы. Как справедливо отмечает Т.А. Шаклеина, «в рекомендациях относительно политики в отношении России подчеркивалась важность осуществления контроля за событиями в стране, чтобы не позволить ей “вариться в собственном соку”, так как она по-прежнему оставалась второй ядерной сверхдержавой» [Шаклеина 2012: 135].

Когда же стало выясняться, что замысел в целом не удался, отношения между странами начали быстро свертываться по инициативе американской стороны. Тем не менее режимы взаимодействия двух великих держав сохраняют свою *принципиальную значимость* для положения дел в мире и характера грядущего миропорядка. Сегодня это, как сказали бы физики, слабое взаимодействие, но когда оно усилится (а повышательная тенденция реальна), весь мир будет вынужден считаться с ним.

Примерно по той же схеме строились и режимы отношений России с ЕС и отдельными европейскими странами. Имелось, впрочем, и существенное различие. Россия всегда хотела, чтобы Европа полюбила её, признала своей, заключила в братские объятия. И в первое время после окончания «холодной войны» всё шло к этому. Тем не менее, когда обнаружилось, что Россия не желает выступать в роли бедного родственника и хочет оставаться собой, ситуация изменилась.

Если же говорить о положении дел с международными режимами за пределами России, то оно характеризуется *нарастанием тренда на ориентализацию* [Мегатренды 2013]. За последнюю четверть века число режимов – двусторонних и многосторонних – установленных Китаем с другими субъектами международных отношений, существенно возросло, и эта тенденция, по всей видимости, будет сохраняться. Возрастает качество (весомость) международных позиций КНР, закрепляемых этими режимами.

После окончания «холодной войны» *изменяется приоритетность предметных направлений, на которых выстраиваются международные режимы*. Не теряют своей актуальности (хотя и корректируются) режимы, нацеленные на обеспечение безопасности, ограничение и сокращение вооружений различного рода и других общественных политических и экономических потребностей, характерных для второй половины XX века. При этом на передний план выдвигаются новые или заявившие о себе ранее, но обострившиеся проблемы.

Это проблема *борьбы против производства и незаконного оборота наркотиков*, в которой ни одна страна не способна победить в одиночку. Первые шаги на этом направлении были сделаны еще в начале XX века. К настоящему времени создано множество разноформатных международных соглашений и договоренностей, направленных на решение проблемы. Свои усилия на этом поле объединяют страны ШОС; страны Америки (так, с 2007 г. Мексика в сотрудничестве с США реализует программу «Мерида»); европейские страны, действующие, в частности, в сотрудничестве с так называемой Группой Помпиду; развиваются контакты между Россией и США. Большие надежды специалисты возлагают на специальную сессию Генассамблеи ООН по мировой проблеме наркотиков, намеченную на 2016 год.

Резко возросла в последние несколько лет, особенно в связи с образованием террористической организации, именуемой «Исламским государством» (запрещена в России), *необходимость усиления борьбы с международным терроризмом*. Борьба эта ведется давно и на необходимость объединения усилий разных государств на антитеррористическом фронте обращала внимание еще Лига Наций (1934). В наше время инициативу в этом направлении проявляет ООН и ее специализированные учреждения. С 1963 г. под их эгидой было разработано 16 международных соглашений, в том числе 13 контртеррористических конвенций и 3 протокола. В 1994 г. Генассамблея приняла Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма, а двумя годами позднее был образован Специальный комитет по терроризму.

Возросла потребность в объединении усилий всех (и прежде всего, наиболее развитых в промышленном отношении) стран, направленном на *предотвращение фатальных для человечества климатических изменений*. В декабре 1997 г. в Японии был подписан пресловутый Киотский протокол – международное соглашение, обязывавшее и развитые страны, и страны с переходной

экономикой ограничить выбросы в атмосферу парниковых газов, пагубно влияющих на изменение климата. Примечательно, что этот документ (первый период обязательств по которому закончился в 2012 году) базировался на рыночных механизмах регулирования. В начале 2005 г. протокол вступил в силу, а к концу того же года его ратифицировали 156 стран (США среди них не было). В декабре 2015 г. в Париже на климатической конференции ООН было подписано новое соглашение о существенном снижении выбросов парниковых газов, призванное заменить Киотский протокол. Начать действовать оно должно только в 2020 году.

Глобализация и нарастание интеграционных процессов способствуют формированию международных *режимов нового типа*. Как отмечают эксперты, «в последние три десятилетия стала складываться практика многосторонних отношений, которую, возможно, также стоит описывать в категориях международного режима. Речь идет о распространении норм интеграционных объединений на страны, не входящие в эти интеграционные объединения, но имеющие с ними договорные отношения» [Торкунов, Мальгин 2014: 387]. Такая практика просматривается, например, в отношениях Евросоюза со своими соседями. «Наибольшее добровольное распространение норм ЕС характерно для стран, входящих в так называемое европейское экономическое пространство. Менее плотный режим экономического и социального регулирования ЕС характерен для средиземноморских и постсоветских соседей ЕС» [Там же].

После окончания «холодной войны» заметную роль в мировой политике стали играть *многосторонние международные клубы*. Среди наиболее известных – «группа семи/восьми», БРИКС, Парижский клуб, являющиеся, по сути, межгосударственными объединениями. Действуют и объединения негосударственного характера, собирающие под своей крышей видных политиков, бизнесменов, финансистов, экономистов: Бильдербергский клуб, Лондонский

клуб, Всемирный экономический форум в Давосе и другие.

Известным международным клубом стала «группа двадцати». Формально говоря, она сложилась в 1999 году, сменив просуществовавшую менее года «группу двадцати двух». Последняя создавалась как объединение министров финансов и центральных банков государств с наиболее развитой (США, Великобритания, Германия, Япония и другие) и развивающейся (Индонезия, Мексика, Россия, Турция и другие) экономикami. Такое сочетание было данью времени, все убедительнее подтверждавшего, что решение мировых (прежде всего глобальных) проблем и предотвращение, или, по крайней мере, смягчение мировых кризисов возможны лишь на пути объединения усилий стран, находящихся в разных точках мирового политического и экономического спектра.

Создававшаяся как структура, нацеленная на обеспечение мирового экономического роста, финансовой стабильности, развития международной торговли, стимулирования инвестиций, борьбы с безработицей и решения других финансово-экономических проблем, «группа двадцати» стала со временем площадкой для обсуждения еще и актуальных политических проблем. Так, на Санкт-Петербургском саммите (сентябрь 2013) предметом острой дискуссии стала сирийская проблема, а на австралийской встрече в Брисбене (ноябрь 2014 года) — положение дел на Украине. Это лишнее подтверждение того, что *серьезное обсуждение, а тем более решение экономических проблем глобального масштаба невозможно без их тесной увязки с политикой.*

5

Оценивая происходившую в после-холодно-военные годы реинституционализацию и ход мировых событий, мы вправе задать вопросом: а привели ли они к ожидаемым результатам? Оправдали ли надежды тех, кто полагал, что исчезновение СССР с политической карты мира и окончание «холодной войны» принесут глобальную стабильность, согласие и безопасность?

Хаос, разрушение государственных институтов и гражданские войны в ряде регионов мира, порожденные попытками США реализовать навязчивую идею «нового американского века» (а по сути — глобального господства Америки); расширение НАТО на восток и другие недружественные акты в отношении России, вызвавшие неизбежное активное противодействие с ее стороны, а в итоге рост напряженности в отношениях России с Западом; глобальный разгул терроризма; безнаказанность держав, не желающих строить свою внешнюю политику в соответствии с нормами международного права; нерешенность многих проблем глобального переустройства свидетельствуют о том, что, не успев полностью сложиться, *последовало-военный мировой порядок вступил в полосу структурного и функционального кризиса: многие возникающие в мире проблемы не могут быть разрешены должным образом с помощью существующих международных институтов, оказавшихся не способными выполнять возложенные на них функции, а институтов, которые могли бы обеспечить стабильность, безопасность и согласие в мире, пока не существует.*

Это отчетливо прослеживается в деятельности крупных международных организаций, созданных многие десятилетия назад, но пытающихся приспособиться к новым условиям. Наиболее важной и авторитетной из них оказывается ООН. В последние годы много говорится — в том числе и на официальном уровне — о необходимости ее реформирования или даже радикальной перестройки.

Затея бесперспективная и неконструктивная в условиях сложившейся ныне глобальной нестабильности. Косметический ремонт ООН стал бы лишь пустой тратой средств и времени, поскольку не привел бы к качественному изменению её деятельности (в сторону совершенствования), а попытки фундаментальной перестройки этой организации, «подгонки» под новый мировой порядок завершились бы лишь ее разрушением, что привело бы к дальнейшей хаотизации мира и возрастанию степени анархичности международных отношений.

Одновременно нельзя не признать, что, постановка вопроса о перестройке ООН имеет под собой реальные основания. Выступая в качестве центрального элемента международных отношений и имея бесспорные заслуги в деле сохранения мира, эта организация не отвечает в полной мере требованиям времени. Она слишком громоздка и уже в силу этого обстоятельства бюрократизирована, лишена необходимого в новых условиях динамизма. Совет Безопасности не всегда своевременно реагирует на возникающие в мире угрозы, а принимаемые им решения не всегда воплощаются в жизнь должным образом. Порой их просто игнорируют, а ООН не имеет физической возможности принуждения своих членов к исполнению ее решений.

В последние годы множатся примеры того, как сильные мира сего и в первую очередь США действуют в обход ООН, предпринимая акции, на которые не имеют ее мандата. Критиками неоднократно поднимался и вопрос о политической ангажированности некоторых решений организации. Правы в принципе и те, кто, требуя реформы СБ ООН, говорит о несоответствии регионального представительства и категорий членского состава требованиям начала XXI века. И это далеко не все слабые стороны, снижающие коэффициент полезного действия ООН.

Можно взять другую глобальную организацию – ВТО. Последний раунд переговоров – института, в рамках которых ВТО принимает решения по стоящим перед ней задачам – стартовавший в Дохе в 2001 г. и направленный, как декларировалось, на достижение потребностей развивающихся стран, подтвердил наличие давних глубоких противоречий между стремлением многих членов к свободной торговле, с одной стороны, и протекционизму – с другой. Критики организации упрекают ее в том, что равноправие членов носит формальный характер: все ключевые решения принимаются развитыми странами во главе с Соединенными Штатами, пекущимися об интересах «золотого миллиарда». Кстати сказать, в этом грехе обвиняют – и не без осно-

ваний – многие другие крупные международные организации. И еще одна общая мишень критики: неолиберальная идеология, в соответствии с принципами которой строят свою стратегию многие международные экономические организации.

Показательный пример на региональном уровне – ОБСЕ, взявшая на себя задачу содействия построению единой, мирной, демократической Европы без разделительных линий. Задачу, оказавшейся ей, как выясняется, не по плечу. Еще в 2005 г. министр иностранных дел России С. Лавров обращал внимание на «необходимость упорядочения ее деятельности в интересах всех государств-членов и искоренения практики «двойных стандартов»». Имеется, отмечал министр, «больше чем достаточно оснований подозревать, что экспертный мониторинг «под крышей ОБСЕ» используется в качестве спускового крючка дестабилизации положения в отдельно взятой стране в зависимости от ее места в иерархии чьих-то геополитических приоритетов». Существует реальный риск превращения ОБСЕ «в инструмент групповых интересов и объект манипулирования в чьих-то геополитических раскладах» [Лавров 2005].

С той поры, когда были выставлены эти жесткие оценки, минуло десять лет, но ничего не изменилось по существу. Анализ опыта перестройки и адаптации НАТО, ОБСЕ, других международных организаций, к изменившимся реалиям наводит на мысль, что в условиях разделенного мира, каким он предстает сегодня, международные организации, созданные в ином, но тоже разделенном мире, не меняют своей сущности. Они могут использовать другую риторику, могут перекрасить свой фасад, но на практике действуют по изначально заложенному в них, хотя, как правило, стыдливо скрываемому принципу «свой – чужой». Это неперемное, хотя и не декларируемое публично условие их существования.

Немалые трудности переживают интеграционные объединения. Еще совсем недавно казалось, что Европейский Союз твердо встал на ноги, между его членами установилось полное взаимопонимание и

готовность действовать рука об руку. Но финансово-экономический кризис, захлестнувший Грецию и потребовавший от членов ЕС пойти ради её спасения на некоторые жертвы, а теперь ещё и великий исход беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, наводнивших просторы Евросоюза, показали, что национальные интересы европейцев никуда не делись и «своя рубашка ближе к телу». Кто даст теперь гарантию, что ситуация не будет ухудшаться и что в ЕС не начнутся дезинтеграционные процессы?

Не всё гладко и в жизни объединений, возникших на постсоветском пространстве. Сегодня, через двадцать с лишним лет после рождения СНГ можно констатировать, что Содружество продемонстрировало свою жизнеспособность, но продемонстрировало ли оно эффективность? Оправдало ли связывавшиеся с ним ожидания?

Существует точка зрения, что целью создания СНГ было обеспечение «цивилизованного развода» республик, входивших в Советский Союз. Если это так, то СНГ выполнило свою задачу: несмотря на sporadическое обострение противоречий между некоторыми из возникших на его территории суверенными государствами, войны между ними удалось избежать. Однако если исходить из Устава СНГ, то помимо «мирного разрешения споров и конфликтов между государствами Содружества» объединение должно было обеспечить «осуществление сотрудничества в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях; всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие государств-членов в рамках общего экономического пространства, межгосударственную кооперацию и интеграцию» (ст. 2). Однако добиться существенных интеграционных достижений в рамках СНГ не удалось. Решения о создании экономического союза, как и ряд других инициатив интеграционного характера так и остались на бумаге.

Немало нареканий вызывает деятельность международных клубов – в первую очередь такого крупного объединения со

стажем, как «группа семи», громко заявившего о себе в 1990-х годах. За время существования объединения на его заседаниях было обсуждено множество острейших проблем, волнующих мир, включая проблемы устойчивого развития, борьбы с голодом, противодействия международному терроризму, помощи беднейшим странам, энергетической безопасности и десятки других. Вместе с тем ни одна из них не была, да и не могла быть решена клубом. Не являясь организациями, клубные объединения не обладают закрепленной нормативными актами властью и не имеют возможности навязывать входящим, а тем более не входящим в них государствам свои решения. Их роль иная: выступать в качестве механизмов многосторонних консультаций и служить площадкой для коллективного обмена мнениями на самом высоком уровне и согласования позиций, а в какой-то мере и политик ведущих государств, оказывающих существенное влияние на состояние и развитие мира.

Справлялась ли «группа семи/восьми» с этой задачей? Если и да, то лишь отчасти. Она не смогла предотвратить мировой экономической кризис 2008 года. Она не сумела удержать Соединенные Штаты от проведения катастрофической внешней политики на Ближнем Востоке (аукнувшейся Европе неконтролируемым потоком беженцев). В последние годы, когда в мире появились два новых клуба – «группа двадцати» и БРИКС, становится всё более очевидным, что роль «групп семи» идет на спад.

Если взять международные режимы – такие, как, скажем, режим свободной торговли, морского судоходства, экспортного контроля, нераспространения ядерного оружия, прав человека, режимы отношений между государствами и группами государств, – то их судьбы складывались после «холодной войны» по-разному. Большинство технических режимов, имеющих давнюю историю, традицию и основательно защищенных международным правом, функционировали более или менее нормально, хотя их политическая составляющая

шая (она всегда присутствует в международных отношениях) давала о себе знать.

Иное дело – политические режимы: на их формирование и функционирование неизбежно накладывала печать международная политическая конъюнктура, что нередко приводило к деформациям этих режимов и сбоям в их функционировании. Это особенно отчетливо прослеживалось на режимах общего характера. Яркий пример – режим, регулирующий отношения европейских организаций, прежде всего ЕС и России. В 1994 г. было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве Евросоюза и РФ (вступило в силу в декабре 1997 года). Рядом документов предусматривалось налаживание стратегического партнерства между сторонами путем формирования четырех общих пространств (экономического, внутренней безопасности и правосудия, внешней безопасности, науки и образования). Между тем в мае 2014 г. главы государств и правительств ЕС приняли совместное заявление по Украине, в котором, в частности, заявили о приостановке переговоров по визам с Россией. Чуть позднее, в июне 2015 г. Европарламент принял резолюцию, требующую критически пересмотреть отношения Евросоюза и России и больше не считать ее стратегическим партнером.

Аналогичную картину наблюдаем мы и в отношениях между Россией и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В течение ряда лет Россия вела переговоры о вступлении в ее ряды. Предполагалось, что она может стать членом уже в 2015 году. Однако в марте 2014 г. ОЭСР приостановила на неопределенный срок принятие России в свои ряды. Прослеживается такая же неординарная и контрпродуктивная политика, что и у «группы семи». Получается, что деятельность вроде бы солидных международных институтов исключает возможность обсуждения спорных вопросов и нахождения согласия между сторонами. Не снижает ли это креативный потенциал таких институтов и не ставит ли под вопрос их будущее как эффективных механизмов решения сложных про-

блем, число которых скорее всего будет только увеличиваться?

* * *

Завершая рассмотрение вопроса о международных институтах и их роли в мировой политике, необходимо особо отметить значение такого условия их успешного функционирования, как *взаимодействие с суверенными национальными государствами*. Вот уже не один год некоторые аналитики и политики либеральной ориентации продолжают упорно твердить, что время национальных государств прошло, что они дышат на ладан, что их функции и роль в международных отношениях и мировой политике сходят на нет, переходя к международным институтам.

Реальные международные процессы убеждают в том, что всё не так просто. Вступающие добровольно в международные объединения типа ЕС государства, конечно, не могут не поступаться частью своего суверенитета. При этом, как убеждает опыт той же Франции или Великобритании, они объективно продолжают оставаться реальной международной суверенной силой – политической, экономической, военной и культурной. Если кто-то из них демонстрирует недостаточную самостоятельность в принятии внешнеполитических решений и политическом поведении, то это часто происходит не столько из формальных ограничений, вызванных членством в международных объединениях, сколько из неформальной зависимости от других государств.

Что же касается режимов европейско-американских отношений, то при всей видимой (и во многом реальной) подчиненности Европы Америке эти отношения сохраняют и, скорее всего, будут сохранять в обозримой перспективе свой самостоятельный характер.

В то же время в условиях глобализации и усложнения мир-политических и мир-экономических связей и отношений ни одна страна, ни одна нация, ни одно государство не могут быть самодостаточными и отгородиться от международных институтов без риска стагнации.

Поэтому задача и государств, и международных институтов найти формы *взаимовыгодного взаимодействия и сотрудничества*. От того, насколько успешно они

будут взаимно дополнять и взаимно усиливать друг друга, во многом будет зависеть жизнь и судьба каждой из сторон и мира в целом.

Список литературы

- Баталов Э.Я. Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-традиция. 2014. 616 с.
- Баталов Э.Я. Холодная война окончена. «Крестовый поход» продолжается // Американский ежегодник 2014. М., 2014.
- Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005. 366 с.
- Батюк В.И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы. Автореф. дис. на соискание ученой степени доктора ист. Наук. М., 2008.
- Батюк В.И. Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны». М.: Прометей, 2008. 212 с.
- Веблен Т. Теория праздного класса. Пер. с англ. М.: Прогресс. 1984. 336 с.
- Вейнгафт Б. Политические институты с позиций концепции рационального выбора. // Политическая наука: новые направления. Пер. с англ. М.: Вече, 1999. С. 181–204.
- Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012. М., 2012. 545 с.
- Государственная политика и управление. Часть II. Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: РОССПЭН, 2007. 495 с.
- Добрынин А. Сугубо доверительно. М.: Ладомир, 1997. 688 с.
- Дрюри Г. Политические институты с точки зрения права. // Политическая наука: новые направления. Пер. с англ. М.: Вече, 1999. С. 205–217.
- Норт Д. Институты, институциональные измерения и функционирование экономики. М. Фонд экономической книги, 1997. 180 с.
- Лавров С.В. Внешнеполитические итоги 2005 года: размышления и выводы // Дипломатический ежегодник-2005. URL: www.dipacademy.ru.
- Лазарев М.И. Словарь международного права. М.: Международные отношения, 1982. 245 с.
- Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2003. 351 с.
- Мегатренды: основные эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Шаклеиной Т.А., Байкова А.А. М.: Аспект Пресс, 2013. 448 с.
- Патрушев С.В. Институциональная политология: четверть века спустя // Современные институциональные исследования: Состояние, проблемы, перспективы. Политическая наука. Сборник научных трудов 2009. № 3. М., 2009. С. 5–19.
- Петровский В.Е. Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия // Памятники исторической мысли. М., 1998. 264 с.
- Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня. // Политическая наука: новые направления. Пер. с англ. М.: Вече, 1999. С. 218–234.
- Победаш Д.И. Международные режимы нераспространения ядерного оружия. Екатеринбург, 2010. Политическая энциклопедия. Т. 1. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. проекта Г.Ю Семитин; науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю Семитин. М.: Мысли, 1999. 752 с.
- Пригожин И., Стенгерс И. Время. Хаос. Квант. М.: Прогресс, 1994. 240 с.
- Ротштейн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. Пер. с англ. М.: Вече, 1999. С. 149–180.
- Сафонов М. Западные исследования международных институтов // Международные процессы. Номер первый. Январь-апрель 2003. С. 74–87.
- Системная история международных отношений в четырех томах / Под ред А. Д. Богатурова. Том третий. М.: НОФМО, 2003. 718 с.
- Современная западная социология. Словарь. М. Политиздат, 1990. 432 с.
- Современные институциональные исследования: состояние, проблемы, перспективы: Политическая наука. М.: УРСС, 2009. № 3. 212 с.
- Современные международные отношения / Под ред. акад. РАН А. В. Торкунова, канд. полит. наук А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2014. 688 с.
- Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Пер. с англ. М.: Инфра-М, 1999. 262 с.
- Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1980. 416 с.
- Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 с.
- Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М.: АспектПресс, 2012. 272 с.
- Baylis J., Smith S. The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations. Oxford, 2001. 636 p.

- Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. N. Y.: Macmillan, 1977. 335 p.
- Crawford R.* Regime Theory in the Post-Cold War World. Rethinking Neoliberal Approaches to International Relations. Brookfield: Eldershot, 1996. 153 p.
- Global Governance: Drawing Insights from the Environmental Experience / ed. by O. Young. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 364 p.
- Hoffman S.* Primacy of World Order. N. Y., 1980. 352 p.
- Ikenberry J.* After Victory. Institutions, Strategic Restraint and Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton: Princeton University Press, 2001. 293 p.
- Interdependence and Conflict in World Politics. / edited by J. N. Rosenau, H. Tromp. Hants: Eldershot, 1989. 239 p.
- Krasner S.* Structural Causes and Regime Consequences // International Organizations. Vol. 36. Spring 1982. P. 185–205
- Mearscheimer J.* The False Promise of International Institutions // International Security. Winter 1994/95. Vol. 19. № 3. P. 5–49. DOI: 10.2307/2539078
- North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. N.Y.: Cambridge University Press, 1990. 152 p.
- Reinalda B.* Routledge History of International Organizations. N.Y.: Routledge, 2009. 846 p.
- Schechter M.* Historical Dictionary of International Organizations. Lanham, Toronto et al.: Scarecrow Press, 2010. 317 p.
- Slaughter A.-M.* A New World Order. Princeton and London, 2004. 341 p.
- Wrong D.* The Problem of Order. What Unites and Divides Societies. N. Y., Toronto et al.: Simon and Shuster, 1994. 364 p.
- Young O.R.* The Behavioral Effects of Environmental Regimes: Collective-Action vs. Social-Practice Models // International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics. 2001 № 1. P. 9–29.
- Young O.* International Cooperation: Building Regimes for National Resources and the Environment. Ithaca: Cornell University Press, 1989. 248 p.
- Young O.* Institutional Dimensions of Global Environmental Change // Public Administration and Public Policy. Vol. II; Governance in World Affairs. Ithaca, 1999.P. 297–313.

NEW INSTITUTIONALIZATION OF WORLD POLITICS

EDUARD BATALOV

MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

The article examines the current state and major achievements of the research on international institutions and their role in world politics. The author explores the meaning of this notion, which due to its multiple interpretations, remains problematic. He differentiates the understanding of “institution” as rules of the game in society from its alternative conceptualization as an association, which becomes an actor of social interaction. Despite the various approaches regarding “international institutions”, the author includes in his definition both existing norms of international interaction and their reflection in organizational structures. Given the practice of conducting international affairs, it is possible to identify various types, including institutions-norms, institutions-organizations, institutions-integration groups, institutions-clubs, institutions-practices and institutions-dialogues. The author does not only characterize these types, he attempts to employ them to reconstruct the broad institutional map of the world in its evolution since the end of the Cold War.

The author views the operations of the current international institutions as a part of the growth of structural complexity of the world. The emergence of new players on the international arena – non-state, formal and informal, permanent and temporary – impacts international affairs in a substantial way.

Moreover, the multiple connections tied between these actors, the rise of their needs and ambitions and the growth of tensions also add to the complexity of the current institutional dynamics. These developments stimulate proliferation of international institutions, which find themselves responsible for the new tasks, including establishing communications between states and non-state actors, coordination of their interests, resolution of disputes and prevention of conflicts.

In the context of growing global problems, which cannot be solved by single country alone, international institutions integrate efforts of multiple states, in order to respond to the specific set of challenges.

Keywords:

international institutions; new institutionalism; integration; international regime; international organization; globalization; reinstitutionalization.

References

- Batalov E. (2005). *Mirovoe razvitie i mirovoy porjadok* [World development and world order]. Moscow: ROSSPEN. 366 p.
- Batalov E. (2014a). *Americanskaya politicheskaya mysl XX veka* [American Political Thought XX Century]. Moscow: Progress – Traditsia. 616 p.
- Batalov E. (2014b). *Kholodnaya vojna okonchena. Krestovyi pokhod prodolzhaetsya* [The Cold War is over. The "crusade" continues]. *Amerikanskiy ezhegodnik*. Moscow.
- Batyuk V. (2008a). *Sovetsko-amerikanskie i rosiisko-amerikanskie dvustoronnie rezhimy*. [The Soviet-American and Russian-American bilateral regimes]. Thesis abstract. Moscow.
- Batyuk V. (2008b). *Trudnoe partnerstvo. Dvustoronnie rezhimy i instituty v rossiisko-amerikanskikh otnosheniyah posle okonchaniya "kholodnoi vojny"*. [A difficult partnership. Bilateral regimes and institutions in Russian-American relations after the end of the "cold war"]. Moscow: Prometei. 212 p.
- Baylis J., Smith S. (2001). *The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations*. Oxford: Oxford University Press. 636 p.
- Bogaturov A. (2003). *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v chetyreh tomah. Tom tretiy*. [The System History of International Relations in Four Volumes. Vol. 3]. Moscow: NOFMO. 720 p.
- Bull H. (1977). *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. N. Y: Columbia University Press. 335 p.
- Crawford R. (1996). *Regime Theory in the Post-Cold War World. Rethinking Neoliberal Approaches to International Relations*. Brookfield: Eldershot. 153 p.
- Davydov Y. (ed.) (1990). *Sovremennaya zapadnaya sociologiya. Slovar'*. [Modern Western sociology. Dictionary]. Moscow: Politizdat. 432 p.
- Dobrynin A. (1997). *Sugubo doveritel'no* [Strictly Confidential]. Moscow: Ladomir. 688 p.
- Drury G. (1999). *Politicheskiye instituty s tochki zreniya prava* [Political Institutions in Terms of the Law]. *Politicheskaya nauka: novye napravleniya*. Moscow: Veche. 816 p.
- Hoffman S. (1980). *Primacy or World Order*. McGraw-Hill Inc. 352 p.
- Ikenberry J. (2001). *After Victory. Institutions, Strategic Restraint and Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton: Princeton University Press. 312 p.
- Krasner S. (1982). *Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables*. *International Organization*. Vol. 36. No 2: 185 – 205.
- Lavrov S. (2005). *Vneshnepoliticheskie itogi 2005 goda: razmyshleniya i vyvody* [Foreign Policy Outcomes of 2005: Reflections and Conclusions]. *Diplomaticeskij ezhegodnik*. Available at: www.dipacademy.ru
- Lazarev M. (1982). *Slovar' mezhdunarodnogoprava*. [Dictionary of international law]. Moscow: Mezhdunarodnie otnosheniya. 245 p.
- Lebedeva M. (2003). *Mirovaya politika* [World Politics]. Moscow: Aspect Press. 365 p.
- Mearscheimer J. (1995). *The False Promise of International Institutions*. *International Security*. Vol. 19. No. 3: 5 – 49. DOI: 10.2307/2539078
- North D. (1997). *Instituty, institucionalnyeizmeneniya i funkcionirovaniye ekonomiki*. [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. Moscow: NACHALA. 190 p. Available at: <http://lib.rus.ec/b/351951>
- North D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. 159 p.
- Patrushev S. (2009). *Institucional'naya politologiya: chetvert veka spustya* [Institutional political science: a quarter of a century later]. *Sovremennyye institucional'nye issledovaniya: Sostojanie, problemy, perspektivy. Politicheskajanauka*. No 3. 212 p.
- Peters B. (1999). *Politicheskiye instituty: vchera i segodnya* [Political Institutions: Yesterday and Today]. *Politicheskaya nauka: novye napravleniya*. Moscow: Veche. 816 p.

- Petrovskii V. (1998). *Aziatsko-tihookeanskiye rezhimy bezopasnosti posle «holodnoj vojny»: evolucija, perspektivy rossijskogo uchastija* [Asia-Pacific security Regimes after the "Cold War": evolution and prospects of Russia's participation]. Moscow: Pamjatniki istoricheskoj mysli. 264 p.
- Pobedash D. (2010). *Mezhdunarodnye rezhimy nerasprostraneniya yadernogo oruzhiya*. [The international nuclear non-proliferation regimes]. Ekaterinburg. 30 p.
- Prigozhin I., Stengers I. (1994). *Vremja. Haos. Kvant*. [Time. Chaos. Quantum]. Moscow: Progress. 262 p.
- Reinalda B. (2009). *Routledge History of International Organizations*. N.Y.: Routledge. 880 p.
- Rotstein B. (1999). *Politicheskiye instituty: obshchie problem* [Political Institutions: Common Problems]. *Politicheskaya nauka: novye napravleniya*. Moscow: Veche. 816 p.
- Safonov M. (2003). *Zapadnye issledovaniya mezhdunarodnyh institutov* [Western studies of international institutions]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 1. № 1 (1).
- Schechter M. (2010). *Historical Dictionary of International Organizations*. Lanham: Scarecrow Press. 368 p.
- Shakleina T., Baykov A. (2013). *Megatrendy* [Megatrends]. Moscow: Aspect Press Publ.
- Slaughter A.-M. (2004). *A New World Order*. Princeton: Princeton University Press. 368 p.
- Soros G. (1999). *Krizis mirovogo kapitalizma*. [The Crisis of World Capitalism]. Moscow: Infra-M. 262 p.
- Semina G. (ed.) (1999). *Politicheskaya entsiklopediya* [Political encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Misli. 752 p.
- Shakleina T. (2012). *Rossija i SShA v mirovoj politike*. [Russia and the United States in world politics]. Moscow: Aspect Press. 212 p.
- Veblen T. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa*. [The Theory of the Leisure Class] Moscow: Progress. 336 p.
- Weingast B. (1999). *Politicheskiye instituty s pozicii koncepcii ratsionalnogo vybora* [Political Institutions from the Viewpoint of the Concept of Rational Choice]. *Politicheskaya nauka: novye napravleniya*. Moscow: Veche. 816 p.
- Wrong D. (1994). *The Problem of Order. What Unites and Divides Societies*. N.Y.: Free Press. 354 p.
- Young O. (1989). *International Cooperation: Building Regimes for National Resources and the Environment*. Ithaca: Cornell University Press. 248 p.
- Young O. (1999). *Institutional Dimensions of Global Environmental Change*. In: *Public Administration and Public Policy*. Vol. II; *Governance in World Affairs*. Ithaca: Cornell University Press. 424 p.
- Young O. (1997). *Global Governance: Drawing Insights from the Environmental Experience*. Cambridge, Mass.: The MIT Press. 364 p.
- Young O. (2001). *The Behavioral Effects of Environmental Regimes: Collective-Action vs. Social-Practice Models*. *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics*. Vol. 1. № 1: 9 – 29.